

УДК 81.119

КОНЦЕПТ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Данилевич Алина Игоревна, аспирант, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (г. Санкт-Петербург, РФ). E-mail: aline-the-queen@mail.ru

В статье характеризуется взаимосвязь национально-культурной ментальности и ключевых для культуры концептов, аккумулирующих исторически накопленный коллективный опыт. Базовые концепты фиксируют специфический «образ мира» и способы его постижения, выступают мировоззренческими матрицами национальной культуры, определяя систему ее ценностей и критерии идентичности, специфику образа национального «Я» и репертуар жизненных стратегий и способов самореализации субъекта культуры.

Ключевые слова: национально-культурная ментальность, концептосфера языка, лингвокультурные концепты, мировоззренческие матрицы культуры.

A CONCEPT AS A MEANS OF REPRESENTATION OF NATIONAL AND CULTURAL MENTALITY

Danilevich Alina Igorevna, Post-Graduate Student, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences of Trade Unions (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: aline-the-queen@mail.ru

This paper describes the link of ethno-cultural mentality and the key concepts for the culture, accumulating the historically based collective experience, fixing the specific “image of the world” and the ways of its realization. The basic concepts represent themselves as the philosophical matrix of the national culture, defining their system of values and criteria of identity, specifics of the national image “I” and repertoire of life strategies and ways of self-actualization of culture. Identifying the peculiarities of conceptualization is an urgent factor in language and culture study. The process of conceptual verbalization (that reflects national mentality) is important to reveal the language pattern.

However, concept doesn't only fix the dictionary meaning of a word, it contains a symbolic part of meaning. It is metaphorically embodied into symbols and signs. The basic concepts exist in semantic contrast and similarity: happiness-pleasure, happiness-success, happiness-unhappiness; love-passion, love-charity, love-hatred, justice-fairness, injustice. So, they create linguistically founded cultural idea or mental and moral dominant of culture. The universal and specific meanings are deeply intertwined in the concept structure. Reflected in the language, the mental features of culture form the mentality of a nation. They are common but at the same time they have some peculiarities. Any cultural concept contains the meanings obvious for foreigners and that help identify the “alien concept” subject sphere.

Keywords: national and cultural mentality, concept of language, linguocultural concepts, world outlook matrix of culture.

В структуре философско-культурологического знания особую актуальность получает проблема понимания сущности и специфики национально-культурной ментальности, которая является фундаментом культурной системы, определяя специфику ценностно-нормативной базы, основания

солидарности и консолидации субъектов культуры в единую общность «мы», критерии формирования личностной идентичности. Ментальность лежит в основе культурных различий, которые становятся фактором межкультурного непонимания и причиной конфликтов, определяют обла-

сти достижений нации, представления субъекта культуры о счастье и смысле жизни, о добре и зле, значимость ценностей права и справедливости, долга и ответственности. С помощью вербальной символики национального языка культура маркирует «своих» и «чужих», определяя особенности и стандарты коммуникации внутри «своего» и «чужого» культурного пространства.

В этом контексте проблема понимания и учета специфики национально-культурной ментальности приобретает особую значимость. Происходящие в отечественной культуре в последние два десятилетия процессы показывают, что деформация основ национально-культурной ментальности провоцирует усиление кризисно-катастрофических явлений в обществе (а в крайних случаях ведет к сбою всей цивилизационной программы). Не случайно понимание ментальных особенностей рассматривается в гуманитарном знании в качестве важнейшего условия преодоления духовного кризиса общества: оно позволит осознать и принять собственную историко-культурную уникальность, увидеть «зоны» несогласования глубинных черт ментальности и стратегии сегодняшних реформ, скорректировать модель экономических и политических преобразований.

Существуют различные подходы к пониманию содержания и специфики национально-культурной ментальности. Наиболее продуктивной является лингвокультурологическая методология¹, которая опирается на антропоцентрическую парадигму понимания языка и культуры, считая ее ключевым принципом не только языкознания, но всех других наук о человеке. Лингвокультурология носит междисциплинарный характер, изначально возникая на стыке лингвистики и культурологии, но ее основная задача состоит в «постижении культуры через язык» (С. Г. Воркачев), который рассматривается в качестве важнейшего

фактора сохранения и проявления национально-культурной ментальности. Именно язык является базовой смысловой и образно-символической средой функционирования этнокультурной общности, формируя модели идентичности и основу национального самосознания составляющих ее субъектов. Концептосфера языка представляет собой «банк смыслов» культуры, поэтому, чем богаче культура нации, тем богаче концептосфера народа (Д. С. Лихачев).

Ключевой категорией лингвокультурологии является концепт, понимаемый как совокупность смыслов и характеристик, «погруженных» в культуру предметов, явлений и состояний; «языков-ленная ментальная единица сознания» (мышления и хранения информации), представляющая собой «квант структурированного знания» (И. А. Стернин), «сгусток смысла», зафиксированный в коллективной памяти (В. И. Карасик). Лингвокультурные концепты являются базовым средством языковой репрезентации и объективации культурно-национальной ментальности, они представляют собой «конституирующие единицы этнического менталитета, его «опорные точки» (В. В. Колесов), совокупность которых образует «лингвоконцептосферу как языковую картину мира» [5, с. 13–22]. Концепты – это ячейки культуры в ментальном мире человека, существующие в виде понятий, переживаний, ассоциаций, метафор. Концепт не только фиксирует содержание основного словарного значения слова, но и содержит образно-символическую составляющую, глубинные смыслы которой «светятся» в слове, воплощаясь с помощью метафорических ресурсов образа и символа. Базисные лингвокультурные концепты находятся в отношениях семантического подобия и контраста: счастье – блаженство, счастье – удача, несчастье; любовь – страсть, любовь – милость, ненависть; справедливость, правда, несправедливость, фиксируют и образуют в результате «лингвокультурную идею» или духовно-нравственную доминанту культуры. В структуре концепта универсальные и специфические смыслы переплетаются: находящие выражение в языке универсалии духовной культуры, составляющие менталитет нации, безусловно, несут специфический характер, но в то же время

¹ Лингвокультурология (как и культурология) «представляет собой чисто автохтонное, российское образование, циркулирующее исключительно в русскоязычном научном пространстве (в западной научной традиции культурологию называют “культурной антропологией”, а лингвокультурологию – “антропологической лингвистикой”») [3, с. 11].

в них содержится нечто универсальное, свойственное другим культурам и ментальностям. Поэтому любой культурно-специфический концепт содержит смыслы, понятные иноязычному сознанию и позволяющие ему идентифицировать предметную область «чужого» концепта (С. Г. Воркачев)².

«Энциклопедическое поле» концепта (И. А. Стернин) складывается из понятийной и образно-символической составляющей. Помимо своего информационного капитала и «перцептивной составляющей» концепты обладают мощным образно-символическим и метафорическим ресурсом, который глубинно встроен в структуру языка. Не случайно в некоторых концептах оформленная метафорическими приемами символика выступает в качестве основного смыслопорождающего содержания – она фиксируется уже в самом имени концепта (в частности, концепты «ангел» и «дьявол» имеют преимущественно образное воплощение, они выступают персонифицированными символами-матафорами «добра» и «зла» [10]. Такой перенос абстрактного имени на нечто конкретное имеет функциональный смысл – абстракция «материализуется» и становится доступной чувственному восприятию, выделяя в нем важные признаки.

«Предметно-образная» (В. И. Карасик) составляющая концепта фиксирует субъективный опыт его чувственного восприятия (его «когнитивные», метафорически-образные пласты смыслов), с ее помощью сознание «считывает» глубинные уровни смыслового наполнения концепта. В содержании концепта обнаруживается также его ценностная составляющая, фиксирующая социокультурную и субъективную значимость смысловых полей концепта, его особенно важные смыслы – «культурные доминанты» (В. И. Карасик). Поэтому концепты «не только мыслятся, но

и переживаются» (Ю. С. Степанов), заставляют «биться сердце быстрее при попадании в фокус мысли» [8], но лишь в том случае, если происходит резонанс его смыслов с экзистенциальным полем субъекта культуры.

Многоуровневая взаимосвязь национально-культурной специфики «смысловых банков» базовых концептов и особенностей ментального мира субъекта культуры фиксируется многочисленными исследованиями. Она обнаруживается в специфике языковых картин мира. Мощным средством формирования, сохранения и трансляции «смысловых полей» концептов, составляющих основу ментальности, являются пословицы, поговорки, анекдоты и другие формы народного творчества, афоризмы, которые вошли в плоть языка, нередко теряя при этом авторство. Ключевым средством концептуализации мира и концентрированным воплощением и выражением смысловых полей ментальных концептов выступает фразеологический состав языка, выполняющий функции «смыслового посредника» в актуальном пространстве коммуникации.

В частности, ключевой для европейской культуры концепт «свобода» в английском языке (*freedom*) фиксирует значимость личных прав индивида, пространства личной независимости (англичане любят повторять, что свобода человека ограничивается кончиком носа соседа). Эквивалентом «свободы» выступает «*liberty*» – данная лексическая единица в последнее время приобретает отрицательную коннотацию (например, в выражениях «*to take the liberty of...*» – позволить себе; «*to take liberties with smb*» – позволять себе вольности с кем-либо и т. п.), а область ее применения ограничивается, преимущественно, политическим дискурсом и специализацией на проблеме «общественных прав» личности. В русском языке и русской культуре в концепте «свобода» присутствуют коннотации простора, широкого и бескрайнего пространства, которых нет в слове *freedom*. Это состояние связано с отсутствием давления и тесных оков, оно переживается как чувство счастья. Англо-русский словарь под редакцией В. К. Мюллера в качестве русских эквивалентов английского слова «*freedom*» предлагает не только «свободу», но и «волю».

² Например, смыслы русской «тоски» как «душевной тревоги, томления, соединенного с грустью и скукой» будут понятны и представителю другой культуры – в европейских языках в соответствующих концептах также присутствует отрицательно-эмоциональный характер, фиксирующий душевную боль, возникающую в результате потери чего-то или отсутствия значимых людей, вещей, ситуаций.

Фундаментальный концепт европейской культуры – «счастье», которое является высшей человеческой ценностью [4, с. 36]. Как русская, так и английская фразеология фиксирует представление людей о том, что счастье дается свыше: счастливый – это младенец, родившийся в рубашке (англ. *be born with a caul/on one's head*). Однако важные для понимания ментальности смыслы данного концепта имеют очевидное национальное своеобразие. Для англичан родиться счастливым – это родиться в богатой семье: *be born with a silver spoon in one's mouth* (букв. родиться с серебряной ложкой во рту). В русской языковой культуре понятие «счастье» интегрирует корень «Сч» (связанный с древнеиндийским *Sʒ* – «хороший») и *часть*, что дает в итоге смысл «хорошей судьбы». Другой вариант объяснения связывает счастье с «совместным участием» в чем-то. В словарях русских пословиц и поговорок тематические разделы, связанные с категорией счастье, включают следующие ассоциативные группы: счастье – удача, счастье – благополучие, счастье – блаженство и т. п. Многие пословицы, содержащие концепт «счастье», воплощают идею о том, что надежным источником счастья является добродетель: «Где правда, там и счастье»; «Счастлив тот, у кого совесть покойна». Во многих поговорках используется принцип контраста, в соответствии с которым счастье с необходимостью предваряется несчастьем, горем, утратами: «Кто нужды не видал, и счастья не знает»; «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Значимым элементом в структуре национальной ментальности является образ «времени», который в русской культуре ассоциируется с вращением, обращением, возвращением, кругооборотом в природе, душе и сознании, и это отличает его от рубленого *tempus*, в котором слышится «ступление римского легионера по римской дороге (*via romana*) – вперед, без оглядки» [6]. Русское «*время*» (верема, веретено, вертеть) символизирует колесо жизни, в то время как немецкое «*zeitig*» фиксирует образ линейный, указывает на нечто, что тянется. Или концепт «*истина*»: в греческом варианте обнаруживается смысловой эквивалент *алетейи*, представляющей синтез несокрытости и незыблемости. В романских языках русско-

му концепту «истина» соответствует «*веритас*», то есть вера. Для русского сознания истина – это «*естина*» – то, что «есть», «существует».

Национально-культурная специфика обнаруживается и в таком ментально-образующем концепте как «пространство»: русскому варианту данной категории соответствует латинское – «*спациум*» (производное от глагола «*spation*» – шагать, перемещаться). Идея перемещения (шагания) содержится и в немецком «*spazieren*», что являет нам образ разорванного, дискретного пространства. Если немецкое «*Raum*» (от *raumen* – очищать) – это нечто чистое, пустое, то в русской культуре смысловые грани «пространства» фиксируют «ширь – даль» и ассоциируются с «родной сторонкой». Как отмечает Г. Гачев, «в русском же “проСТРАНстве” явно слышится “страна” – ширь, бок, край, родимая сторонка...» [6, с. 384]. В этом контексте интересны языковые репрезентации еще одной важной черты отечественной национальной ментальности – особого патриотизма русских. Г. Гачев пишет: «Недаром в русском языке самое любовное слово у возлюбленных – это не “дорогая” (*darling*) и не “любимая”, а “родная”, “родненький”, “родимый”; то есть русская любовь между мужчиной и женщиной – той же природы, что и любовь к родине» [6, с. 322]. Основу концептосферы пространства в русской культуре составляет символ-образ «матери-сырой Земли», где живет народ, «легкий на подъем» – вдаль, вширь, в путь. И здесь обнаруживается любопытная связь пространства с ментальностью: «Равнинные народы могут быть беспамятны: рвется традиция через переселение или кочевье, напряжение греха ослабляется. Я не вижу убийцу отца – он переехал, а я переселился. И дело с концом. Ни у него нет долга совести, ни у меня нет долга отмщения» [6, с. 322].

Таким образом, лингвокультурный (или концептуальный) анализ феномена национальной ментальности позволяет осознать устойчивые ценностные доминанты национальной культуры, понять специфический для культурного сообщества «образ мира» и типичные способы его постижения. Смысловые глубины концептов обнаруживают ценностную картину мира, мозаика которой складывается из представлений о добре и зле, законе и справедливости, любви и дружбе.

Они фиксируют специфику образа национально-го «Я» и его возможные поведенческие проекции в виде специфического репертуара жизненных стратегий, форм и способов самореализации. Обеспечивая устойчивость типа национально-культурной ментальности, концепты осуществляют репрезентацию ее сущностных составляющих в национальном самосознании и выступают ее «заместителем» как в структуре национально-

го самосознания, так и в пространстве субъективного мира личности. В этом качестве «доминантные» («константные») концепты выполняют функцию *мировоззренческих матриц культуры*, на основе которых выстраивается базисная система ценностей и соответствующие поведенческие программы, образующие содержание и определяющие специфику национально-культурной ментальности.

Литература

1. Антология концептов / под ред.: В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006–2011.
2. Вежибицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелёва. – М.: Яз. славян. культуры, 2001.
3. Воркачев С. Г. «Куда ж нам плыть?» – Лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Язык, коммуникация и социальная среда / Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2010. – Вып. 8. – С. 5–27.
4. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар, 2002.
5. Воркачев С. Г. Лингвокультурная концептология: становление и перспективы // Изв. РАН. Сер. лит. и яз., 2007. – Т. 66, № 2. – С. 13–22.
6. Гачев Г. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. – М., 1995.
7. Карасик В. И., Красавский Н. А., Слышкин Г. Г. Лингвокультурная концептология: учеб. пособие к спецкурсу. – Волгоград, 2009.
8. Перельгина Е. М. Катартическая функция текста: АКД. – Тверь, 1998.
9. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. – М., 2010.
10. Черкасова И. П. Концепт «ангел» и его реализация в тексте: АДД. – Волгоград, 2005.

References

1. Antologiya kontseptov. Pod red. Karasik V.I., Sternin I.A. [The corpus of concepts]. Volgograd, Paradigma Publ., 2006–2011. (In Russ.).
2. Wezhbitskaya A. Ponimanie kultur cherez posredstvo kl'uchevykh slov [Understanding cultures through their key words]. Moscow, Languages of Russian culture Publ., 2001. (In Russ.).
3. Vorkachev S.G. Kuda zh nam plyt'? – Lingvokul'turnaya kontseptologiya: sovremennoe sostoyanie, problemy, vector razvitiya [Where to float? – Lingvocultural concepts: current situation, problems and perspectives]. *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda [Language, communication and social environment]*. Voronezh, Nauka unipress Publ., 2010, iss 8. (In Russ.).
4. Vorkachev S.G. Kontsept schastyia v russkom yazykovom soznanii: opyt lingvokul'turologicheskogo analiza [The concept of happiness in Russian linguistic mind: experience of linguistic and cultural analysis]. Krasnodar, 2002. (In Russ.).
5. Vorkachev S.G. Lingvokul'turnaya kontseptologiya: stanovlenie i perspektivy [Language and cultural concepts: formation and perspectives]. *Trudy Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka [Proceedings of Academy of Sciences]*. Moscow, 2007, vol. 66, no 2. (In Russ.).
6. Gachev G. Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psicho-Logos [National images of the world. Cosmo-Psycho-Logo]. Moscow, 1995. (In Russ.).
7. Karasik V.I., Krasavsky N.A., Slyshkin G.G. Lingvokul'turnaya kontseptologiya: uchebnoe posobie k spetskursu [Language and cultural concepts: textbook for special courses]. Volgograd, 2009. (In Russ.).
8. Perelygina E.M. Katarticheskaya funktsiya teksta: AKD [Cathartic function of the text: AKD]. Tver', 1998. (In Russ.).
9. Radbil' T.B. Osnovy izucheniya yazykovogo mentaliteta [Basic learning of the language mentality]. Moscow, 2010. (In Russ.).
10. Cherkasova I.P. Kontsept "angel" i ego realizatsiya v tekste: ADD [The concept angel and its realisation in the text: ADD]. Volgograd, 2005. (In Russ.).